

В. В. Сурво, А. А. Сурво, В. Э. Шарапов
ЭТНОГРАФИЯ «У ЗЕРКАЛА»:
ПИСЬМА У. Т. СИРЕЛИУСА С БЕЛОГО МОРЯ*

УДК 94(470.1)''19'':39

ББК 63.3(235.1)531

В статье рассматриваются путевые заметки известного финского этнографа У. Т. Сирелиуса (1872–1929) об экспедиции 1911 г. по рекам Пинега, Онега и побережью Белого моря. Основное внимание исследователь уделил сравнительному изучению охотничьих и рыболовных промыслов русских и карел, а также технологическим традициям, деревянному зодчеству, северной орнаментальной традиции и вопросам этнической истории поморов. Полевые наблюдения У. Т. Сирелиуса о жизни населения Русского Севера начала XX в. сохраняют актуальность, так как важны для понимания современных этнокультурных процессов. Вместе с тем откровенные суждения «публициста» Сирелиуса о местных традициях интересны в качестве самоописаний исходной для исследователя культуры, конструирующей в процессе изучения традиционного прошлого бахтинскую ситуацию «человека у зеркала». Сирелиус не только дает определенную оценку (не)жизнеспособности этих традиций, но и ситуативно включает изучаемое прошлое в современный ему идеологический контекст. Противоречивость подходов к изучению прошлого и современности традиций обуславливается географическими, конфессиональными, политическими, этническими особенностями изучаемых культур, однако превалирующее значение имеет смысловой запрос самой интерпретирующей стороны. Акцентирование внимания на одних культурных аспектах и игнорирование других, мода на те или иные темы исследования свидетельствуют не только о специфике и динамике научных тенденций, но также об ожиданиях культурно-идеологических странств, представителями которых являются интерпретаторы.

Ключевые слова: *Ууно Таави Сирелиус (1872–1929), финно-угорские народы, этнографические полевые исследования, Русский Север, Поморье, Карелия, самоописательность*

После проведения полевых исследований среди обских-угров в 1898–1900 гг.¹ и «пермской экспедиции» в районах проживания зырян, пермяков и удмуртов в 1907 г.² доцент Им-

ператорского Александровского университета г. Гельсингфорса (Хельсинки), заведующий отделом финно-угорской этнографии Национального музея Финляндии Ууно Таави Сирелиус получил в 1911 г. стипендию Университета для работы в музеях и библиотеках Стокгольма, Берлина, Нюрнберга, Цюриха, Вены и Санкт-Петербурга с целью продолжения сравнительного изучения охотничьих промыслов и деревянного зодчества у народов Европейского Севера, а также для осуществления полевых разысканий на побережье Белого моря.³

У. Т. Сирелиус — корреспондент этнографического отдела Русского музея

У. Т. Сирелиус был одним из крупнейших специалистов в области сравнительного изучения материальной культуры финно-угорских народов. В 1910–1911 гг. он активно сотрудничал с коллегами из Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге

¹ См.: Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск, 2001.

² См.: Сирелиус У. Т. Из путешествия по северо-востоку России // Арт/Лад. Сыктывкар, 1998. № 1. С. 114–117; № 3,

Сурво Вера Викторовна — д.филос.н., исследователь кафедры этнографии, Хельсинкский университет (Финляндия, г. Хельсинки)
 E-mail: vera.survo@suomi24.fi

Сурво Арнольд Абрамович — д.филос.н., доцент кафедры фольклористики, Хельсинкский университет (Финляндия, г. Хельсинки)
 E-mail: arno.survo@suomi24.fi

Шарапов Валерий Энгельсович — к.и.н., в.н.с., Институт языка, литературы и истории, Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)
 E-mail: sharapov.valery@gmail.com

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 14-18-03573 «Поля несуществующего»: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)» (рук. А. Е. Загребин)

С. 172–177; Загребин А. Е., Шарапов В. Э. К истории пермской экспедиции У. Т. Сирелиуса // Этнографическое обозрение. М., 2008, № 1. С. 110–117.

³ См.: Anzeiger der Finnisch-ugrischen Forschungen. Helsinki, 1911. XI. HEFT 1–3. S. 29, 30.

по формированию финских коллекций для вновь создаваемого этнографического отдела.⁴ На средства, полученные от Русского музея, исследователем была собрана коллекция из 426 экспонатов (традиционный костюм, домашняя утварь, мебель, ковры) по 7 историко-этнографическим провинциям Финляндии.⁵ В 1911 г. У. Т. Сирелиус стал действительным членом Архангельского общества изучения Русского Севера.⁶ Бывая в Петербурге, он имел возможность подробно ознакомиться с музейными фондами по этнографии народов Русского Севера. На крупной петербургской выставке этнографических артефактов и доисторических древностей, проходившей в начале 1911 г., внимание У. Т. Сирелиуса привлекли русские экспонаты из Архангельской и Костромской губерний, которые были размещены в одном ряду с финскими и норвежскими коллекциями и с предметами волжских финнов таким образом, чтобы взаимовлияние становилось особенно наглядным.⁷

Коллекции центральных российских музеев начали формироваться во второй половине XIX в., когда художественные ремесла еще были естественной и неотъемлемой стороной крестьянского быта. Этнографический отдел Русского музея (ныне Российский этнографический музей) открылся в 1902 г. Первое десятилетие музея было посвящено формированию собрания памятников народной культуры. К 1911 г. в распоряжении музея находилось 122 460 первоклассных, аннотированных предметов быта многих народов Российской империи. Северные губернии (Архангельская, Олонецкая, Вологодская) в основном были представлены традиционным текстилем — деталями традиционного

костюма, головными уборами, украшенными вышивкой и тканым декором полотенцами, подзорами. Большая часть экспонатов была приобретена во время ежегодных экспедиций специалистов в области народной традиции, а также местными корреспондентами. Господствовавшая тогда среди музейщиков эволюционная школа американского этнолога Ф. Боаса главной задачей этнографии выдвигала изучение не народа, а культуры в развитии. Вещевой материал должен был иллюстрировать развитие от простого к сложному в составлении так называемых эволюционных рядов. Отбирались наиболее яркие экспонаты из каждой российской губернии для «этнического портрета» русского народа. Полную картину традиционного уклада населения России, локальных особенностей отдельных губерний должны были составить местные губернские и уездные музеи.⁸

Полевые записи и фотографии, сделанные У. Т. Сирелиусом, а также графические и акварельные зарисовки, выполненные в ходе экспедиции его спутником художником И. В. Маттилой,⁹ говорят о том, что фактически большую часть времени путешественники посвятили изучению культуры русских поморов на Пинеге и Онеге. В течение 2 месяцев исследователи побывали в 10 селениях русских поморов (деревни Таборская, Сюзема, Красногорская, Унская, Тамицы, села Солза, Нижмозерское, Кянда, Покровское и Нёнокский посад), а на обратном пути в Финляндию посетили лишь три карельские деревни — Kouta/Ковду, Ruva/Рувозеро и Oulanka/Олангу.¹⁰ Развернутые публицистические заметки Сирелиус присылал в Хельсинки непосредственно из экспедиции для публикации в столичной финляндской газете «Helsingin Sanomat».¹¹ Экспедиционный опыт

⁴ См.: Переписка У. Т. Сирелиуса и А. О. Хейкеля с Н. М. Могилянским (Совет этнографического отдела) за 1911–1915 гг. Научный архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 587. Л. 175; Фишман О. М. Контакты и импульсы: из истории финской и российской этнографии // Санкт-Петербург — Хельсинки; Хельсинки — Санкт-Петербург. СПб., 2005. С. 175–187.

⁵ См.: The Sirelius collection in the State Ethnography Museum of the Peoples of the USSR: Presentation: booklet. Turku, 1989; Отчет Этнографического отдела Русского Музея императора Александра III за 1909–1911 годы. СПб., 1912. С. 8; Заседания совета этнографического отдела Русского Музея императора Александра III. Журнал 280. Научный архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 69; Протоколы заседаний совета Этнографического отдела Русского Музея императора Александра III. 14 января 1908 — 12 сентября 1911. Научный Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 175.

⁶ См.: Anzeiger der Finnisch-ugrischen Forschungen. S. 40.

⁷ См.: Lehtonen J. U. E. U. T. Sirelius ja kansatiede. Helsinki, 1972. (Kansatieteellinen arkisto, 23). S. 76–78; Загребин А. Е. У. Т. Сирелиус и финно-угорская этнография // Урал. ист. вестн., № 4 (41), 2013. С. 137.

⁸ См.: Шангина И. И. Памятники традиционной культуры русских Каргополя и Пудожья в собрании Российского этнографического музея // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сб. ст. Архангельск, 2009. С. 317.

⁹ См.: Johan Wilhelm (Ville) Mattila (1884–1959) // Liisa Murtti, J. W. Mattila Suursaarelta — taidemaalari, valokuvaaja, viulun-tekijä. Kotka, 2014. 119 s. (Kymenlaakson museon julkaisuja; 33).

¹⁰ См.: Sirelius U. T. Vienanmerenmatka. Arkangelin matkalta Valkean meren rannoilta ja Karjalasta; Kenttämüstiinpanoja Vienan Karjalasta etupäässä riimusauvoista ja rakennuksista; Piirroksia Kenttämätkoilta Suomesta ja Karjalasta; Kenttämüstiinpanoja Arkangelin matkalta sekalaisista aiheista (1911) // Museoviraston kuvakokoelmat. Helsinki. SUK 37:1–62; SUK 38:1–21; SUK 39:1–53; SUK 40:1–49.

¹¹ См.: Sirelius U. T. Valkeanmeren mailta. (Kirje Helsingin Sanomille) // Helsingin Sanomat. 1911 (24.9, 15.10, 22.10). Сирелиус У. Т. С берегов Белого моря. (Письмо в Хельсинкские Вести) // Семиотика единства и этнокультурного многообразия исторического пространства Русского Севера: сб. науч. ст. Архангельск, 2015. С. 164–172. (Поморские чтения по семиотике культуры; вып. 8); Сурво А. Неведомая земля // Там же. С. 152–164.

поездки, видимо, нашел отражение в опубликованном позднее вопроснике, предназначенном для изучения традиционных обрядов и верований населения Русского Севера.¹²

Основные темы экспедиционных изысканий

Исследовательский интерес У. Т. Сирелиуса был сосредоточен главным образом на сборе сравнительного этнографического материала по лесопромышленной проблематике, традициям домостроительства и художественной обработке дерева у населения Восточной Карелии и побережья Белого моря. В ходе поездки по Пинеге и Онеге исследователь подробнейшим образом фиксировал и описывал различные охотничьи принадлежности и рыболовные снасти (семужьи и сельдяные), способы владения этими орудиями, конструкции промысловых избушек, традиционные средства передвижения, средства переноски тяжестей, а также планировку и декоративное убранство жилых построек населения беломорских районов и карельских деревень.¹³ Впоследствии эти материалы были включены У. Т. Сирелиусом в различные исследования по истории домостроительства и промыслов финно-угорских народов Европейского Севера.¹⁴

Особенности северорусского деревянного зодчества на Пинеге Сирелиус характеризует как «чуждый» финской традиции стиль и определяет как «новгородский». Вероятно, пытаясь сформулировать особенности этого «чуждого» стиля и для самого себя, исследователь дает достаточно подробное его описание, обращая внимание на специфику планировки, на названия различных конструктивных элементов и деталей декоративного убранства жилых строений: «Подчас встречаешь великолепный дом, конёк которого отсылает к временам столетней давности. Сосновые брёвна его стен достойны восхищения; это лесной замок девственной глуши в полном смысле слова. Насколько возможно, всё старались собрать под одной крышей. По

роскошному крытому крыльцу, столбы которого украшены резьбой, поднимаемся в сени. Они тянутся через весь дом, деля строение на две части: с одной стороны остаётся ряд жилых помещений, из которых одно ещё примерно сто лет назад было построено как курная изба, для проживания в будни, другое — как «белая изба» или праздничное помещение. Под обеими [частями дома] расположен относительно тёмный подвал, где в прошлом хранилось пиво, репа и многие др. домашние съестные припасы и куда спускались по лестнице у печи. С другой стороны сеней по лестнице поднимались в просторный крытый двор, в который вёл настил для подводы. Там хранились корма для стада, сани, телега и др. крупный сельскохозяйственный инструмент. Напротив жилых помещений рядом с сенями находились: с одной стороны — амбар, с другой — «горница» [“gornitsa”], т. е. комната, в которой проживал только что женившийся сын со своей молодухой. Другая лестница вела из коридора под двор в загон для скота, откуда также открывалось несколько дверей: в чуланы под амбаром и горницей — в одном из них был колодец и ледник, — а также расположенные под загоном хлева, где скотину держали в зимнее время. Однако из сеней этого многосотового сооружения поднималась ещё одна лестница на «чердак» [“tsherdak”] в неотопляемое помещение над жилыми комнатами, где хранятся одежда, шерсть для пряжи и др. Перед ним под единственным окном к стене примыкал балкон [“balachon”], украшенный столбами и резьбой... На фасады домов, выходящих в сторону деревенских улиц, и без того обращено больше всего внимания: бахрома на «полотенце», накладки и пропиленная резьба на наличниках, а концы стрех с шикарными изгибами».¹⁵

Другой важной исследовательской темой экспедиции стала традиционная орнаментика. Пребывая в Архангельске У. Т. Сирелиус некоторое время посвятил изучению музейных коллекций по народному изобразительному искусству и зафиксировал уникальные образцы карельской и поморской художественной резьбы на орудиях ткачества и льнообработки, относящиеся к началу XIX в.¹⁶ Еще в ходе ознакомления с музейными фондами по Русскому

¹² См.: Сирелиус У. Т. Этнографические опросные листы. Гельсингфорс, 1914. № 1: Обычай и верования, сопряженные с рождением, детством и смертью.

¹³ Sirelius U. T. *Vienanmerenmatka* (1911).

¹⁴ Sirelius U. T., Wichmann Y. *Pari vanhaa pyydystä // Virittäjä*. 1914. S. 96–101; Sirelius U. T. *Die syrtjänische Wohnung in ihren verschiedenen Entwicklungsstadien. Eine vergleichende Untersuchung // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, LVIII. Helsinki, 1928. P. 331–365; Загребин А. Е., Шарапов В. Э. У. Т. Сирелиус и проблемы изучения культуры жизнеобеспечения финно-угорских народов России // *Вестн. Помор. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2011. № 6. С. 22–28.

¹⁵ Сирелиус У. Т. У берегов Белого моря. (Письмо в Хельсинкские Вести) // *Семиотика единства и этнокультурного многообразия исторического пространства Русского Севера: Сб. науч. статей*. Архангельск, 2015. С. 170.

¹⁶ Sirelius U. T. *Venäjä*. 15 // *Museoviraston kuvakokoelmat*. Helsinki. SUK 73:1–62.

Северу в Санкт-Петербурге У. Т. Сирелиус был озадачен удивительными параллелями в северо-русской, поволжской и скандинавской орнаментальных традициях.¹⁷ По мнению Ю. Лехтонена, именно стремление разобраться в происхождении стилистических особенностей резного орнамента у народов Северной Европы было одной из главных побудительных причин поездки известного финно-угроведа на Русский Север.¹⁸

Первые финляндские исследования по орнаментике появились в конце XIX в.: это работы Т. Швиндта, считающегося основоположником финляндской этнографии.¹⁹ Интерес к этой стороне народной культуры возник у исследователя в годы студенческих экспедиций к прибалтийско-финским народам, когда знаменитая ижорская рунопевица Параскева Никитина (*Larín Paraske*) рассказывала ему о женских рукоделиях. Вопросы орнаментики были затронуты и в его исследовании о народном костюме.²⁰ Работы Т. Швиндта до наших дней сохранили значение достоверных этнографических источников. В этом же направлении работал другой крупный этнограф того времени, А. Хейкель, уделявший большое внимание орнаменту (в первую очередь, мордвы и мари́йцев). Ученый совершил ряд поездок к финноязычным народам Поволжья и Прибалтики и защитил первую в Финляндии докторскую диссертацию по этнографии, посвященную сравнительному анализу традиционных построек финнов, эстонцев, мари́йцев и мордвы. А. Хейкель был знаком с трудом В. В. Стасова «Русский народный орнамент»,²¹ в котором высказывалось предположение о том, что русские унаследовали лучшие свои орнаменты от финских племен. Опираясь на эту мысль, А. Хейкель хотел выделить специфический прафинский орнамент, что было выражением его ориентации на поиск единой культуры финно-угорских народов и ее общих корней.²²

¹⁷ См.: Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX–XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Ленинград, 1973. С. 5–29.

¹⁸ См.: Lehtonen J. U. E. Op. cit. S. 78.

¹⁹ См.: Schvindt Th. *Suomalaisia koristeita = Finnische Ornamente. I: Ompelukoristeita ja kuoseja = Stickornamente und Muster*. Helsinki, 1895. 95 s. (*Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia*; 85).

²⁰ См.: Schvindt Th. *Kansanpukuja Suomessa 1800-luvulla*. 1. Karjala. Helsinki, 1912.

²¹ Стасов В. В. *Русский народный орнамент*. Вып. 1: Шитье, ткани, кружева. СПб., 1872.

²² См.: Heikel A. O. *Die Gebäude der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, IV*. Helsinki, 1888.

У. Т. Сирелиус представлял следующее поколение исследователей. Еще до защиты диссертации в 1904 г. им была опубликована обширная работа «Берестяные и кожаные украшения у остяков и вогулов»,²³ которая хотя и не содержала глубоких научных заключений, но, помимо текста, включала в себя 46 таблиц с образцами орнаментов.²⁴ Это были орнаменты, зафиксированные самим исследователем в поездках, а также представленные в музеях Томска и Москвы и в коллекции А. Алквиста, привезенной в 1877 г. По своей структуре работа была близка труду В. Стасова,²⁵ где были указаны предметы, на которых встречается вышивка, описана техника ее исполнения и наиболее характерные сюжеты и мотивы, дана классификация. В. В. Стасов первым предположил большую древность мотивов вышивки и отметил связь северной вышивки русских с дохристианскими верованиями. Однако в его работе еще не придавалось должного значения местной среде, в которой орнамент возник и развивался, представляя истоки многих сюжетов северорусской вышивки в древних финских и восточных (персидских, ассирийских) орнаментах. В некоторых геометрических и изобразительных мотивах (розетка, свастика, образы коней, деревьев) В. В. Стасов видел отражение небесных явлений, в чем сказывалось влияние популярной тогда мифологической школы.

У. Сирелиус также разбил орнаменты на типы, расположив в одной таблице наиболее похожие. В целом, подход исследователя отличался от принятых тогда методик изучения орнамента в тесной связи с материалом, из которого изготовлен орнаментированный предмет, и с технологией его изготовления. Сирелиусу были близки подходы к рассмотрению орнамента, в основе которых лежали национальный романтизм и желание представить творческий потенциал народов и народного искусства. Именно в таком ключе были написаны труды российских и венгерских исследователей.²⁶ В экспедиционных записях 1911 г. У. Т. Сирелиус отмечал очевидные стилистические, образные и технологические параллели в орнаментальной традиции Русского Севера: «Особенно заслуживают упоминания полотенца,

²³ Sirelius U. T. *Ostjakien ja Wogulien tuohi- ja nahkakoristeita = Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen*. Helsinki, 1904. XVI s. (*Kansatieteellisiä julkaisuja*; 2).

²⁴ См.: Lehtonen J. U. E. Op. cit. S. 147.

²⁵ См.: Стасов В. В. Указ. соч.

²⁶ См.: Lehtonen J. U. E. Op. cit. S. 147.

носки и варежки, украшенные геометрическими узорами — такими же, что, по крайней мере, еще недавно бытовали по всей Северной России: в Русской Карелии, в зырянском крае и вплоть до вогульских земель». ²⁷ Вместе с тем ученый не признавал прямого славянского «присутствия» в орнаменте родственных финнам народов, придерживаясь точки зрения о значительном восточном (арабском и византийском) влиянии, хронологически и территориально далеких взаимосвязях. ²⁸

Описывая художественную резьбу по дереву, зафиксированную в поморских деревнях, Сирелиус также акцентирует внимание на предполагаемой «нерусскости» этой традиции: «...часто случаются ледяные заторы или препятствуют буря и плохой улов, тогда рыбаки зачастую проводят время вырезая красивые бытовые предметы, как-то: прялки, грабли и скалки для своих любимых. В такие времена и появились многие из тех изящных вещей, которые встречаются в домах т. н. «Летнего Берега», но особенно — упомянутого мыса. В качестве достопримечательности следует упомянуть то, что орнаментальные мотивы по большей части являются теми же геометрическими, готическими по происхождению, как и в Скандинавии и Финляндии. Они, по видимому, заимствованы у норвежцев, которые в этих краях рыбачат, как у себя дома... Изредка [и] некоторые [поморы] выходят на больших судах уже осенью, зимуют в Трёмсе и весной идут под парусами вплоть до Новой Земли и Канина полуострова». ²⁹

Показательно, что в ходе Беломорской экспедиции этнограф У. Т. Сирелиус и художник И. В. Маттила не придали какого-либо значения самобытной росписи по дереву, характерной для художественных промыслов Олонецкой и Архангельской губерний. ³⁰ Финские исследователи не могли не видеть образцы этой росписи во внешнем и внутреннем убранстве северных домов, а также на орудиях ткачества и льнопрядения у карел и русских по-

моров. Однако в своих полевых разысканиях и музейном строительстве У. Т. Сирелиус ориентировался на поиски «чистой» финно-угорской традиции, в ходе которых все артефакты, ассоциировавшиеся с инаковостью («русскостью»), буквально и символически удалялись за пределы визуального ряда, переводились в разряд «несуществовавших» текстов. ³¹ Вероятно, У. Т. Сирелиус определял роспись по дереву как «позднюю» традицию, не характерную для финно-угров.

Визуальный ряд путешествия

Относительно небольшая коллекция экспонатов, собранная исследователем в ходе экспедиции 1911 г. на реки Пинегу и Онегу (около 70 предметов: женские головные уборы и украшения, сарафаны, образцы узорного ткачества и вязания, резные прялки, лесопромысловые орудия и инструменты), ³² существенно дополнялась полевыми фотографиями и зарисовками жилых и хозяйственных построек, внутреннего убранства традиционных северных домов, построенных в первой половине XIX в. Чрезвычайную ценность представляют полевые фотографии, на которых У. Т. Сирелиус зафиксировал в поморских селениях на Онеге и Пинеге не только жилые и промысловые постройки, но и различные культовые сооружения, в частности резные обетные кресты середины XIX в. В финно-угорской коллекции (Suomalais-ugrilainen kokoelmat) Фото-изобразительного архива Музейного ведомства Финляндии (Museovirasto: Kuva-arkisto, Helsinki) представлено несколько сотен фотографий, сделанных Сирелиусом в ходе Беломорской экспедиции 1911 г., а также десятки графических рисунков и акварелей, выполненных художником И. В. Маттилой. ³³ Полевые иллюстративные материалы не только являются полноценными этнографическими источниками по культуре русских поморов и карел начала XX в., но и дают нам некоторое представление о научной парадигме проводимых финским исследователем этнографических разысканий. Основными источниками в его полевых разысканиях были не устные тексты (интервью с людьми), а документально-зафиксированные

²⁷ Sirelius U. T. Valkeanmeren mailta. S. 3.

²⁸ См.: Сурво В. В. Образы традиционной вышивки Карелии: процессы трансформации // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири (Сборник статей памяти Юго Юльевича Сурхаско). Гуманитарные исследования. Вып. 2. Петрозаводск, 2009. С. 271.

²⁹ Сирелиус У. Т. С берегов Белого моря. С. 164–172.

³⁰ См.: Уханова И. Н. Резьба и роспись народных мастеров северо-западного Поморья // Фольклор и этнография Русского Севера. С. 105–119; Шелег В. А. Крестьянские росписи Севера // Русский Север: Архалы и культурные традиции. Л., 1992. С. 127–147.

³¹ См.: Сурво В. Культурные и идеологические аспекты «проблемы полевой работы» (на примере финляндской этнографии) // Полевая этнография — 2006: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2007. С. 14, 15.

³² URL: <http://suomenmuseonline.fi/sv/selaa?freetextSearch=Pinega-joki> (дата обращения: 04.10.2015).

³³ Sirelius U. T. Vienanmerenmatka (1911).

на фотокамеру сцены из традиционного быта (нередко постановочные), объекты аутентичной материальной культуры (преимущественно «неславянского» происхождения) и собственные визуальные впечатления, причем каждый кадр и рисунок исследователь сопровождал подробными комментариями в полевых записях, а впоследствии и убористыми рукописными комментариями на финском языке на оборотах распечатанных фотографий.

Преобладание в поморской фотоколлекции У. Т. Сирелиуса снимков поселений, жилых построек и культовых сооружений, различной утвари и промысловых принадлежностей, возможно, связано с негативным опытом «пермской экспедиции»: в путевых заметках 1907 г. исследователь неоднократно подробно описывает критические ситуации, связанные с фотографированием коми и удмуртов.³⁴ Вместе с тем одной из основных целей «поморской» экспедиции было обретение именно материальных реалий либо зримых образов и символов предметного мира.

Любопытно, что в путевых заметках У. Т. Сирелиуса почти не заметно присутствие его спутника И. В. Маттилы. Если этнографа больше интересовал предметный мир традиционной культуры, то художник акцентировал внимание на жителях побережья Белого моря. На преобладающей части его акварельных зарисовок, выполненных с натуры, запечатлены образы женщин в различных вариантах праздничных традиционных нарядов.

«Туманная мгла сказок»

«Письма с Белого моря», так же как и заметки «пермской экспедиции» 1907 г.,³⁵ У. Т. Сирелиус предваряет несколько ироничными зарисовками о типичном российском северном городе. Если при описании Усть-Сысольска исследователь акцентировал внимание на непосредственном объекте своих полевых разысканий — коми-зырянах,³⁶ то, давая характеристику «многоцерковного города Архангельска, центра Северной России», У. Т. Сирелиус начинает со слов: «Большая часть наиболее выдающихся и опытных коммерсантов из немцев, у которых есть и своя красивая евангелическая церковь». И далее он описывает архитектуру города следующим образом: «В отношении

строительного искусства Архангельск очень заштатен, как и многие расположенные в сельской местности города России. Внимание привлекает лишь несколько церквей, да и те более благодаря своему странному виду, чем стилю. Мне на ум приходит четырёхугольный храм, под множественными луковками которого над главным входом со стены сияют две невозможно большие обрамлённые картины библейской тематики».³⁷ Определяя наиболее значимые городские достопримечательности, Сирелиус выстраивает следующий символический ряд: памятник Ломоносову, изба-музей Петра Великого и архангелогородская «Красная мельница» (Punamyly, т. е. парижская Moulin Rouge), в которой «показывают только живые картинки».

В путевых заметках У. Т. Сирелиуса преобладают не столько этнографические описания, сколько ландшафтно-пейзажные зарисовки-впечатления, посредством которых исследователь так или иначе формирует у читателя представление о сопричастности истории и культуры Финляндии к данной территории, что находит выражение уже в кратком описании «линеек» железнодорожного и пароходного сообщения по Русскому Северу: «... пути в Онегу, беломорскую Кемь, Соловецкий монастырь, к побережью Руйя, к Тромсе — даже к Новой Земле и острову Колгуев». Лейтмотивом всего текста является тема величавости природы Севера («бескрайние глухие леса») и акцентирование внимания на сюжетах «как в Финляндии» либо «чуждости, странности» северорусских реалий исконной, автохтонной финно-угорской традиции.

В определенном смысле в путевых заметках У. Т. Сирелиуса представлен опыт символического «освоения/присвоения» природного и культурного ландшафта Русского Севера. Не случайно повествователь увлеченно погружается в «туманную мглу сказок» и описание реального пути по Северной Двине превращает для читателя в путешествие по маршруту, некогда «рассказанному скандинавскими путешественниками». Отчетливое представление о культурно-идеологических доминантах, которыми руководствовался этнограф У. Т. Сирелиус в сборе материалов на Русском Севере, дают следующие строки из публицистических заметок исследователя: «Возможно, будущим исследователям удастся выяснить, каково происхождение тех или иных культурных факторов.

³⁴ Сирелиус У. Т. Из путешествия по северо-востоку России. 1908. № 1. С. 123–125.

³⁵ Там же. С. 114–117; 1998. № 3. С. 172–177.

³⁶ Там же. 1998. № 3. С. 172, 173.

³⁷ Сирелиус У. Т. С берегов Белого моря. С. 165.

Русские, проживающие севернее на Мезени, в своё время переняли от автохтонного самоедского населения даже оленеводство. Взаимное влияние вполне очевидно. Не надо долго разговаривать с русскими о вещах, относящихся к примитивной культуре, как слух начинает улавливать то одно, то другое по-фински звучащее слово. Так, можешь услышать упоминание о "taibal", "nodija", "vitsa", "vartotshka", "tulkki" и пр. Иногда возникает желание предположить также телесное смешение. Видите ли, здесь часто можно наблюдать таких же черно- и рыжебородых мужиков, как и в речных долинах зырянских земель. К тому же странна и сама речевая интонация, которую мне не приходилось слышать в других русских краях... Существуют исторические подтверждения того, что столетия назад край был финским. На то же указывают некоторые названия предметов и также рек».³⁸

Этнография «у зеркала»

Последняя, «карельская» часть заметок У. Т. Сирелиуса в том же 1911 г. была перепечатана в альманахе «Молодая Суоми», что отвечало культурно-идеологическим ожиданиям читательской аудитории: «Беломорская Карелия! — В этих словах есть что-то, что сразу воспламеняет сознание: руны "Калевалы", мир сказок, откуда они бьют ключом, отзывающееся эхом, печальющееся кантеле — быть может, проявление сочувствия по поводу судьбы этой забытой окраины.

Но есть в этом и иное: бескрайние богатые добычей лесные дебри этого края, шум его чащ, нетронутость его природы, его полные рыбой воды».³⁹

Именно эта часть путевой «трилогии» привлекает особое внимание финляндских исследователей экспедиционных заметок У. Т. Сирелиуса, отрывки из которых были недавно вновь изданы.⁴⁰ Однако «карелианистский» пафос отсутствует в изначальном тексте, имеющем мало общего со статьёй в альманахе, воспроизведенной в современной публикации. Эта часть заметок по сей день остается «неизвестной» для читательской аудитории, поскольку хра-

нящийся на микрофильмах газетный вариант менее востребован из-за своей «неудобочитаемости»: в начале XX в. при печати газеты «Helsingin Sanomat» использовали готический шрифт.

Начиная с XIX в. в Олонецкой губернии побывало множество финляндских собирателей (И. Шегрен, Э. Леннрот, И. Генец, А. В. Рахконен, А. О. Хейкель, И. К. Инха и др.), благодаря чему был накоплен и частью издан богатый материал по самым различным сторонам традиционной культуры карел и вепсов. Из экспедиционных поездок к финно-уграм России финские этнографы привозили богатейшие коллекции традиционных вещей, которые составили основу постоянной экспозиции Национального музея Финляндии. Карелия превратилась в объект паломничества ученых, художников, композиторов, архитекторов, поэтов и прочих любителей старины еще на заре «карелианизма». В XIX в. представление о Карелии как о неотъемлемой части грядущего «Идеального Отечества» стало ключевым концептом финляндского национального мифа, сформировавшегося в среде национальных романтиков. З. Топелиус в 1843 г. подчеркивал, что Финляндия и Карелия в совокупности представляют собой «Великую Финляндию», или «Восточную Фенно-Скандию». В различные времена разные группы национальных деятелей Финляндии очерчивали контуры «Великой Финляндии» по-разному, но так называемая «Восточная Карелия» неизменно оставалась частью проекта.⁴¹

Гердерские универсалии, касающиеся уникальности каждого народа и его традиции, в идеологических контекстах XIX–XX столетий трансформировались в практику относительной самобытности национальных культур, не имеющих смысла без бахтинского «другого». М. М. Бахтин отмечал: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена

³⁸ Sirelius U. T. Valkeanmeren mailta. S. 3.

³⁹ Sirelius U. T. Kautta Wienan Karjalan. Koudasta Paanajärvelle [По Беломорской Карелии. Из Ковды в Панозеро] // Nuori Suomi. XXI:n Joulualbumi. Helsinki, 1911. S. 183.

⁴⁰ Sirelius U. T. Kautta Wienan Karjalan. Koudasta Paanajärvelle [По Беломорской Карелии. Из Ковды в Панозеро] // Rajantakaista Karjalaa / Toim. I. Lehtinen. Helsinki, 2008. S. 6–17; Idem. Vienanmeren venäläiskylissä [В русских деревнях Беломорья] // Ibid. S. 18–27.

⁴¹ См.: Turunen A. Tieteen matkamiehiä // Tieteen matkamiehiä: tutkimusmatkoja ja niiden saavutuksia / Toim. S.-L. Laatumen. Porvoo, 1977. S. 216–246. (Kalevalaseuran vuosikirja, 57); Sihvo H. Karelia: a Source of Finnish National History // National History and Identity: approaches to the writing of national history in the North-East Baltic region nineteenth and twentieth centuries / ed. by M. Branch. Helsinki, 1999. P. 185–195. (Studia Fennica Ethnologica; 6); Salminen T. In between research, the ideology of ethnic affinity and foreign policy: The Finno-Ugrian Society and Russia from the 1880s to the 1940s // The Quasiquicentennial of the Finno-Ugrian Society. Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 258. Helsinki, 2009. P. 225–262; Сурво В. Образы вышивки и обрядовая семантика текстиля в традициях Карелии. Helsinki, 2014. С. 32–39. (Kansatieteellisiä tutkimuksia Helsingin yliopistossa; 18).

на границах».⁴² Ключевая метафора осталась прежней: гердеровское «зеркало истины», заглянув в которое можно было увидеть «звонкие украшения наших отцов-варваров», чтобы «заменить их подлинной культурой и гуманностью»⁴³, повторилось в метафоре «человек у зеркала».⁴⁴ Суть проблемы в актуальности различных способов самоописаний, свойственных той или иной культуре и отвечающих ее запросам и ожиданиям. Ю. М. Лотман писал: «Необходимость этапа самоописания связана с угрозой излишнего разнообразия внутри семиосферы: система может потерять единство и определенность и “расползтись”. Идет ли речь о лингвистических, политических или культурных аспектах, во всех случаях мы сталкиваемся со сходными механизмами: какой-то один участок семиосферы (как правило, входящий в ее ядерную структуру) в процессе самоописания — реального или идеального, это уже зависит от внутренней ориентации

описания на настоящее или будущее — создает свою грамматику. Затем делаются попытки распространить эти нормы на всю семиосферу. Частичная грамматика одного культурного диалекта становится метаязыком описания культуры как таковой».⁴⁵

Противоречивость подходов к изучению прошлого и современности традиций обуславливается их географическими, конфессиональными, политическими, этническими особенностями, однако превалирующее значение имеет смысловой запрос самой интерпретирующей стороны. Акцентирование внимания ученых на одних этносах и культурах и игнорирование других, изменения, претерпеваемые музейным делом, мода на те или иные темы исследования и пр. свидетельствуют не только о специфике и динамике научных тенденций, но также об ожиданиях культурно-идеологических пространств, представителями которых являются интерпретаторы.

Vera V. Survo

Doctor of Philosophical Sciences, Helsinki University (Finland, Helsinki)
E-mail: vera.survo@suomi24.fi

Arnold A. Survo

Doctor of Philosophical Sciences, Helsinki University (Finland, Helsinki)
E-mail: arno.survo@suomi24.fi

Valery E. Sharapov

Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar)
E-mail: sharapov.valery@gmail.com

“IN FRONT OF A MIRROR” ETHNOGRAPHY: U. T. SIRELIUS’S LETTERS FROM THE WHITE SEA

The article is a review of travel notes by a famous Finnish ethnographer U. T. Sirelius (1872–1929) about his 1911 expedition along the rivers Pinega, Onega and the White Sea coast. The author focused on a comparative study of the Russians’ and the Karelians’ hunting and fishing practices, as well as technological traditions, wooden architecture, northern ornamental tradition, and the Pomors’ ethnic history. U. T. Sirelius’s field observations about the life of the Russian North population in the beginning of the 20th century are still relevant, as they are important for understanding modern ethno-cultural processes. At the same time candid opinions of “essayist” Sirelius about local traditions were interesting as self-descriptions of the native to the researcher culture, creating in the process of his study of the traditional past a Bakhtin type situation of “a person in front of a mirror”. Sirelius in addition to giving his opinion about (in)viability of these traditions also situationally included the studied history into a contemporary to him ideological context. This controversial approach to the study of the past and present of traditions reflected the geographical, confessional, political, and ethnic specifics of the studied cultures, however in the first place it was

⁴² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 24, 25.

⁴³ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества [1784–1791]. М., 1977. С. 458. (Памятники исторической мысли).

⁴⁴ Бахтин М. М. Человек у зеркала [1943] // Собр. соч.: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М., 1997. С. 71.

⁴⁵ Лотман Ю. М. Семиотическое пространство // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 255.

a response to a conceptual query of the interpreter himself. This focusing on some cultural aspects and ignoring the others, following fashion of the day in selecting research subjects in addition to illustrating the specifics and the dynamics of research trends was characteristic of the current expectations of cultural and ideological environments to which the interpreters also belonged.

Keywords: *Uno Taavi Sirelius (1872–1929), Finno-Ugric people, ethnographic field researches, Russian North, Pomorze, Karelia, self-narrative*

REFERENCES

- Bakhtin M. M.** *Chelovek u zerkala* [The person at a mirror]. *Sobranie sochineniy v 7 tomakh* – Collected works in 7 volumes. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 1997, P. 71. (in Russ.).
- Bakhtin M. M.** *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and esthetics. Researches of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1975. 504 p. (in Russ.).
- Bernshtam T. A.** *Rol verkhnevolzhskoy kolonizatsii v osvoenii Russkogo Severa (IX–XV vv.)* [Role of Upper Volga colonization in development of the Russian North (the IX–XV centuries)]. *Folklor i etnografiya Russkogo Severa* [Folklore and ethnography of the Russian North], 1973, pp. 5–29. (in Russ.).
- Fishman O. M.** *Kontakty i impulsy: iz istorii finskoy i rossiyskoy etnografii* [Contacts and impulses: from history of the Finnish and Russian ethnography]. Sankt-Peterburg – Khelsinki. Khelsinki – Sankt-Peterburg [St. Petersburg – Helsinki. Helsinki – St. Petersburg]. St. Petersburg, 2005, pp.175–187. (in Russ.).
- Karelia Across the Border** [Rajantakaista Karjalaa]. Helsinki: Kulttuurien museo Publ., 2008. 168 p. (in Finnish).
- Lehtonen J. U. E.** *U. T. Sirelius and ethnology* [U.T. Sirelius ja kansatiede]. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys Publ., 1972. 305 p. (in Finnish).
- Lotman Yu. M.** *Semiosfera* [Semiosfera]. St.Petersburg: "Iskusstvo – SPB" Publ., 2000. 704 p. (in Russ.).
- Murtti L. J. W.** *Mattila Greater island – a painter, a photographer, a violin maker* [Mattila Suursaarelta – taidemaalari, valokuvaaja, viuluntekijä]. Kotka: Kymenlaakson museo Publ., 2014. 119 p. (in Finnish).
- Salminen T.** *In between research, the ideology of ethnic affinity and foreign policy: The Finno-Ugrian Society and Russia from the 1880s to the 1940s.* The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 258* [The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society. Finno-Ugrian Society deliveries = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 258], 2009. pp. 225–262. (in English).
- Shangina I. I.** *Pamyatniki traditsionnoy kultury russkikh Kargopolya i Pudozhya v sobranii Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya* [Monuments of traditional culture of Russians of Kargopolya and Pudozhya in meeting of Russian Museum of Ethnography]. *Kulturnoe i prirodnoe nasledie Yevropeyskogo Severa* [Cultural and natural heritage of the European North], 2009, pp. 317–319. (in Russ.).
- Sheleg V. A.** *Krestyanskie rospisi Severa* [Country lists of the North]. *Russkiy Sever: Arealy i kulturnye traditsii – Russian North: Areas and cultural traditions*, 1992, pp.127–147. (in Russ.).
- Sihvo H.** *Karelia: a Source of Finnish National History.* *National History and Identity: approaches to the writing of national history in the North-East Baltic region nineteenth and twentieth centuries*, 1999. pp. 185–195. (in English).
- Survo A. A.** *Nevedomaya zemlya* [Unknown earth]. *Semiotika edinstva i etnokulturnogo mnogoobraziya istoricheskogo prostranstva Russkogo Severa* [Semiotics of unity and ethnocultural diversity of historical space of the Russian North], 2015, pp. 152–164. (in Russ.).
- Survo V. V.** *Obrazy traditsionnoy vyshivki Karelii: protsessy transformatsii* [Images of a traditional embroidery of Karelia: transformation processes]. *Problemy dukhovnoy kultury narodov Yevropeyskogo Severa i Sibiri (Sbornik statey pamyati Yugo Yulevicha Surkhasko).* *Gumanitarnye issledovaniya* [Problems of spiritual culture of the people of the European North and Siberia (Collection of articles of memory of Hugo Yulevich Surkhasko). Humanitarian researches]. Petrozavodsk, 2009, vol. 2, pp. 270–279. (in Russ.).
- Survo V. V.** *Obrazy vyshivki i obryadovaya semantika tekstilya v traditsiyakh Karelii* [Images of an embroidery and ceremonial semantics of textiles in traditions]. Helsinki: Helsingin yliopisto Publ., 2014. 238 p. (in Russ.).
- Survo V. V.** *Kulturnye i ideologicheskie aspekty «problemy polevoy raboty» (na primere finlyandskoy etnografii)* [Cultural and ideological aspects of “a problem of field work” (on the example of the Finnish ethnogra-

phy)]. Polevaya etnografiya – 2006. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Field ethnography – 2006. Materials of the International scientific conference]. St. Petersburg, 2007, pp. 14–18. (in Russ.).

Turunen A. *Science men travel* [Tieteen matkamiehiä]. Tieteen matkamiehiä: tutkimusmatkoja ja niiden saavutuksia [Scientific journey men: study trips and their achievements], 1977, pp. 216–246. (in Finnish).

Ukhanova I. N. *Rezba i rospis narodnykh masterov severo-zapadnogo Pomorya* [Carving and list of national masters of northwest Pomorze]. Folklor i etnografiya Russkogo Severa, 1973, pp. 105–119. (in Russ.).

Zagrebin A. Ye. *U. T. Sirelius i finno-ugorskaya etnografiya* [U. T. Sirelius and Finno-Ugric ethnography]. Uralskiy istoricheskiy vestnik, 2013, no. 4 (41), pp. 132–140. (in Russ.).

Zagrebin A. Ye., Sharapov V. E. *U. T. Sirelius i problemy izucheniya kultury zhizneobespecheniya finno-ugorskikh narodov Rossii* [U. T. Sirelius and problems of studying of culture of life support of the Finno-Ugric people of Russia]. Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki, 2011, no. 6, pp. 22–28. (in Russ.).

Zagrebin A. Ye., Sharapov V. E. *K istorii permskoy ekspeditsii U. T. Sireliusa* [To history of the Perm expedition of U.T. Sirelius]. Etnograficheskoe obozrenie, 2008, no. 1, pp. 110–117. (in Russ.).